

§8 РЕЛИГИЯ И ПОЛИТИКА

Алибекова С. Я., Юсупова Г. И.

ИСЛАМ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ: ЭВЕНТУАЛЬНОСТЬ ПОЛИТИЗАЦИИ

Аннотация. Актуальность темы обусловлена особенностями политизации исламского фактора в современном мире, ростом угрозы религиозно-политического экстремизма и терроризма. Статья посвящена анализу религии, ее влияния на социальную, политическую и духовную жизнь общества. Предметом исследования являются возможности развития ислама, обусловленные процессами политизации. Объектом исследования является Северный Кавказ. Автор подробно рассматривает такие аспекты как религиозный раскол внутри ислама и появление разных направлений, а также реформаторскую попытку обновления и возрождения ислама через механизмы и идеалы политической власти. Особое внимание уделяется консервативному исламу, устремленному к соблазнам политического авторитаризма и либерально-модернистскому исламу, получающему реализацию в политическом конформизме. Используются методы системного, междисциплинарного исследования и семантического анализа политизации ислама, а также методы наблюдения и контент-анализа. Возможности политизации ислама могут складываться как в русле возрождения духовных ценностей на благо общества, так и в ущерб гармоничному развитию, чреватому насилием и террором. Полноценное возрождение ислама связано именно с ростом духовного богатства и с приоритетом нравственных ценностей. Государство должно сконцентрировать усилия всего общества по нейтрализации деструктивных тенденций, вызванных стремлением отдельных религиозных движений политизировать религиозную жизнь. В обществе остро востребован полноценный контроль в соблюдении законов и подзаконных актов, регламентирующих свободу совести и вероисповедания. Наибольшую угрозу современному миропорядку представляет радикально-экстремистский исламизм, обнажающий свою деструктивную сущность, не имеющую истинного отношения к исламу. Новизна и выводы исследования обусловлены поиском возможностей и механизмов социально-поли-

тической актуализации перспектив формирования либерально-модернистского направления в исламе как наиболее соответствующего глобальным, общецивилизационным тенденциям развития современного миропорядка. Авторы приходят к выводу, что в современном мире терроризм как деструктивная тенденция политизированной теократии изнутри подрывает гуманистическую сущность любой религии, в том числе и ислама.

Ключевые слова: консервативный исламизм, радикальный исламизм, политизация, экстремизм, терроризм, глобализация, трансформация, мультикультурализм, толерантность, духовные ценности.

Review. *The relevance of this topic is substantiated by the peculiarities of politicization of the Islamic factor in the modern world, and higher threat of the religious and political extremism and terrorism. This article is dedicated to the analysis of religion, as well as its effect upon the social, political, and spiritual life of society. The subject of this research is the possible developments in Islam justified by political processes. The object of this research is the Northern Caucasus. The author gives a detailed review to such aspects as religious schism within Islam and emergence of various new directions, as well as reformation attempt to renew and revive Islam through the mechanisms and ideals of political power. A special attention is given to the conservative Islam, driven to the temptations of political authoritarianism, and liberal-modernist Islamism realized in the political conformity. The possible politicization of Islam can result in the rebirth of spiritual values for the good of the community, or can equally disrupt the harmonious development that can bring violence and terror. The biggest threat to the modern world order is the radical-extremist Islamism, exposing its destructive nature, which has nothing in common with actual Islam. The novelty and conclusions of this research are substantiated by the search for ways and mechanisms of socio-political actualization of the reformation prospects of the liberal-modernist vector of Islam as the one that is closest to the global, civilizational trends of development of the modern world order. The authors conclude that in the modern world, terrorism as a destructive trend of politicizes theocracy undermines the humanistic essence of any religion, including Islam.*

Keywords: multiculturalism, transformation, globalization, terrorism, extremism, politicization, radical Islamism, conservative Islamism, tolerance, spiritual values.

Ислам как одна из мировых религий имеет большой арсенал испытанных временем средств, влияющих на все сферы жизни общества, в том числе и на политическую жизнь. В каждую эпоху открываются новые возможности такого влияния, вплоть до интенсивного воздействия и подчинения устоев общества религиозным ценностям. В современном мире динамично меняются формы общественной жизни, которые становятся ближе друг к другу. Идеальное светское государство не возникает в результате одних только политических процессов или революционных действий. Более важными для этого являются нравственные устои общества, раскрывающие перед каждым человеком гуманистический потенциал творческих способностей. В отличие от светского гуманизма, «концептуальным фундаментом исламских философов была не этическая доктрина о социаль-

ной норме, а идея духовного совершенства» [9, с. 246], проистекающего из божественной сущности бытия. Духовное совершенство религиозный человек «способен достичь не в горизонтальном общественно-политическом измерении, но в вертикальном измерении, привязывающем его к трансцендентным иерархиям, высшим гарантам его личной судьбы» [9, там же].

В глобальных условиях развития традиционные способы общественного миропорядка не успевают уходить со сцены современной эпохи в минувшие воспоминания прошлого и продолжают фрагментарно, проблематично, сосуществовать наряду с гармоничными, инновационными формами жизни. По причинам символической многозначности понимания мировых религий, устойчиво владеющих возможностями выхода на уровень универсальных форм бытия, всегда обнаруживаются разные тенден-

ции развития, связанные с многозначным смыслом духовных ценностей: позитивных, имеющих конструктивную политическую перспективу для дальнейшего прогресса или негативных, чреватых социально-политической деструктивностью. Они могут содержать в себе не только первоначальный привлекательный соблазн, но и последующую скрытую угрозу, чреватую экстремизмом. Одно из многих предназначений религии, по мнению автора статьи, состоит в том, чтобы служить миру, добру и согласию, исполняя роль основных признаков активной толерантности. Поэтому, для формирования позитивных социальных тенденций важную роль играет нравственная ценность религии в политической жизни.

В многовекторном миропорядке глобальные и локальные трансформации, связанные с религиозно-политическими проблемами, происходят неоднозначно и противоречиво. Исламский мир является неоднородным, что частично оправдывает любые попытки поиска новых политических возможностей развития, но, вместе с тем, вызывает обеспокоенность самих мусульман в связи с угрозами утраты религиозной идентичности под влиянием различных политических катаклизмов. Угрозы, возникающие из отдельных негативных последствий интенсивного мультикультурного и многоконфессионального взаимодействия, обусловлены не только полисубъектной разноголосицей современного социально-политического процесса, но и всплеском новых источников научно-технического сосуществования. Все это влечет непрерывную череду противоречий и конфликтов, представляющих опасные последствия для существующего миропорядка.

В действительности «ислам как таковой политической религией не является, но активно политизируется в наше время во всем мире» [17]. Реальная конкретика модернизации и глобализации современного мира делает его не только открытым, но и хрупким, легко ранимым, о чем наглядно свидетельствуют примеры последствий, вызванных карикатурами на святые религиозные символы. Негативный шлейф политизации ислама вызывает озабоченность во всех слоях мусульманского сообщества. Так,

в российском исламе, по мнению А. В. Малашенко, складываются три модели отношения к существующему политическому порядку. Первая модель выражает лояльное сосуществование с существующим миропорядком, характеризуя «официальный ислам» и суфизм. Вторая модель присуща сторонникам умеренного радикализма в исламе (салафиты), сторонники которого пытаются «не ломать систему, но трансформировать ее» [11, с. 85] под свои убеждения. Третья модель, характерная экстремизму и терроризму, направлена на полное уничтожение существующего миропорядка и создание альтернативной системы (ваххабиты).

Исламский радикализм на Северном Кавказе
Практические попытки внедрения такой модели развития общества активно предпринимались экстремистами в отдельных селах Дагестана. Вооруженное вторжение чеченских боевиков в Дагестан в 1999 году и все предшествующие ему события на дагестано-чеченской границе убедительно подтверждали, что противостояние на Северном Кавказе с подписанием в августе 1996 г. Хасавюртовских соглашений окончено не было. Оно приобрело несколько иные формы и продолжало активно распространяться. Административная граница с Чечней и прилегающие к мятежной республике субъекты Российской Федерации – Дагестан, Ингушетия, Северная Осетия и Ставрополье – стали местом необъявленной войны. В течение только первой половины 1999 г. здесь произошло более 80 вооруженных столкновений и бандитских вылазок. Непрерывающиеся террористические акты, похищение людей, а также внутренние конфликты в Чечне и ряде соседних к ней республик, превратили юг России во фронтовую зону. В мае-июле 1999 г. обстановка на чечено-дагестанской границе начала резко обостряться.

Еще в августе 1998 года местные салафиты в Карамахи, Чабанмахи и Кадаре (Буйнакский район) заявили, что эти селения объединяются в независимую общину, жизнь которой регулировалась шариатским судом и шурой. На дороге, ведущей в Чабанмахи, был установлен блокпост, а на одной из гор вывесили зеленый мусульманский флаг [12]. Рядом был установлен щит с предупреждением: «На этой территории

действуют шариатские законы» [8]. Таким образом, в Кадарском ущелье был создан ваххабитский автономный анклав, известный как Кадарская зона [4]. Один из лидеров дагестанских исламистов Багаутдин Кебедев (Магомедов) высказывал мнение, что правительство Дагестана находится в состоянии «ширка» (язычества) и называл себя приверженцем исламского государства [16]. Прототипом такого государства, с точки зрения «ваххабитов», стала отдельная исламская территория в Кадарской зоне. В сентябре 1998 года глава МВД РФ Сергей Степашин провел переговоры с лидерами исламистов. Побывав в селе Карамахи, министр заявил: «Я бы предостерег всех от навешивания ярлыков «ваххабиты», «экстремисты». У нас свобода вероисповедания. ... все мирно будем вам помогать, я вам даю честное слово. С мирным населением никто воевать не будет» [5]. Степашин пообещал не предпринимать в отношении общины силовых действий в обмен на сдачу имеющегося у них оружия. Оружие сдано не было, но до августа 1999 года никаких мер по подавлению анклава власти не предпринимали. 1 августа 1999 года, за неделю до крупномасштабного вторжения из Чечни, было также объявлено о введении шариатского правления в селах Эчеда, Гакко, Гигатли и Агвали Цумадинского района [12]. Образование таких явлений в республике стало возможным благодаря тому, что они не были своевременно пресечены властью.

Массовое проникновение чеченских боевиков в Дагестан началось 7 августа 1999 года. В этот день на территорию республики вошли более тысячи вооруженных бойцов из Чечни. Сразу были захвачены села Ансалта, Рахата, Шодрода и Годобери Ботлихского района, а в течение нескольких следующих дней – другие населенные пункты в Ботлихском и Цумадинском районах [12]. Ядро группировки НВФ составляли иностранные наемники и бойцы «Исламской международной миротворческой бригады», созданной под эгидой КНИД и связанной с «Аль-Каидой». Во главе группировки стояли чеченский полевой командир Шамиль Басаев и исламистский военный лидер родом из Саудовской Аравии, известный под именем Хаттаб [22]. (Сам Хаттаб в середине 1990-х некоторое

время жил в селе Карамахи [16]. Уроженка села, даргинка Фатима Бидагова была одной из его жен [7]).

10 августа Исламская шура Дагестана распространила «Обращение к чеченскому государству и народу», «Обращение к парламентам мусульман Ичкерии и Дагестана», «Декларацию о восстановлении исламского государства Дагестан» и «Постановление в связи с оккупацией государства Дагестан». В документах говорилось об образовании на территории республики исламского государства [12]. Лишь 29 августа, после окончания боев в Ботлихском районе, началась войсковая операция по ликвидации ваххабитского анклава в Кадарской зоне [15]. Руководили операцией главком внутренних войск МВД РФ генерал-полковник В. Овчинников и министр внутренних дел РД генерал-майор А. Магомедтагиров. Об окончательном взятии под контроль Чабанмахи и Карамахи было сообщено 12 сентября [12]. В результате операции в Кадарской зоне были полностью разрушены 1850 домов местных жителей [15]. Боевики под командованием Басаева и Хаттаба пытались занять села и господствующие высоты в Новолакском районе. Федеральные войска, силы МВД и дагестанские ополченцы остановили продвижение боевиков. [14]. 15 сентября министр обороны РФ Игорь Сергеев доложил, что территория Дагестана полностью освобождена [12]. После вытеснения боевиков из Дагестана российские войска продолжили вести бои в Чечне. Вооруженное вторжение боевиков сопровождалось серией терактов в российских городах: Москве, Буйнакске, Волгодонске, Рязани и др., результатом которых были сотни человеческих жертв. 19 сентября 1999 года в Дагестане был принят закон «О запрете ваххабитской и иной экстремистской деятельности на территории Республики Дагестан», запретивший пропаганду идеологии и практику ваххабизма в республике. Аналогичные нормативные акты были приняты также в Ингушетии, Карачаево-Черкесии, Кабардино-Балкарии и Чечне. Почти до конца сентября шли бои с бандформированиями на дагестанской земле. Результаты для боевиков оказались неутешительными. Не оправдались и их расчеты на массовую поддержку местных жите-

лей и духовенства. Наоборот, на защиту своих селений встали до 5 тыс. дагестанских добровольцев. Разгромом бандформирований и их изгнанием была завершена антитеррористическая операция в Дагестане.

Современные динамичные процессы в обществе постоянно нарушают то устойчивое равновесие разных сфер жизни, которое называется общим социальным миропорядком. Наглядно это видно во взаимодействии между сферами религиозной и политической жизни. Религия и политика в условиях светского государства существуют относительно автономно друг от друга, но формы и условия такой автономности в разных странах не имеют пределов разнообразия. Тем не менее, можно обобщить некоторые семантические и символические признаки, связанные с тем обстоятельством, что полная истинная гармония между религией и политикой невозможна по определению. Если конечная цель религии – спасение души и воссоединение с богом через трансцендентное преодоление бренного мира, то основная цель политики – стабильные отношения между государствами и в конкретных образованиях, имманентное достижение порядка в распределении жизненных благ.

Политика и религия во многом, если не во всём, являются асимметричными формами организации жизни общества. Если религиозная жизнь всегда направлена на духовную стабильность своих ценностей при любых внешних переменных в обществе, то политическая жизнь устремлена на материальную устойчивость власти в постоянно меняющемся социуме, выбирая ради самосохранения наиболее приемлемые приоритеты. В светских государствах, таких как Россия и других странах СНГ, политическая сфера относительно дистанцируется или полностью отделяется от религиозной сферы общества, четко регламентируя религиозные свободы и права верующих. В теократических исламских государствах, таких как Саудовская Аравия, Иран и др., эти сферы сливаются в единство, в котором религия преобладает над политикой, а политика ставится в зависимость не от права, а от религиозных устоев ислама (шариат). На первый взгляд представляется, что происходит исламизация политики, означающая внедрение исламских

ценностей в политическую жизнь, а сам ислам, якобы, не меняется. Но обратная связь политизации ислама не заставляет себя долго ждать. Ислам оказывается преисполненным таких политических идей, которые ему изначально чужды, но избавиться от них оказывается не так просто, как кажется. Происходит полная исламизация политики. В результате такого отождествления происходит опасная трансформация, – человек, не исповедующий ислам, рассматривается как изгой, – вне закона и вне общества. Идеолог экстремистского исламизма Саид Кутб пишет, что «немусульмане – не люди, пока они живут джахилистской жизнью, а среди них встречаются такие, кто обманывает себя или обманывает других, и уверены, что ислам поладит с ними и примирится с такой джахилией [13] (джахилия – неверие в аллаха).

В светских государствах политическая сфера отделена от религиозной. Поэтому, возможности религиозного, – и в частности, – исламского влияния на политику существенно ограничены. Российский мусульманин как гражданин имеет в своем государстве лишь косвенные возможности выражения своих религиозных убеждений, направленных на политическую жизнь общества. Конституция РФ ограничивает политическую активность, вызванную религиозным происхождением. Политические партии, созданные по религиозному признаку, в поликонфессиональном государстве запрещены по закону, ибо обречены на межрелигиозную вражду и при любом раскладе сил полученный результат окажется разрушительным для многоконфессионального государства. Кроме того, партийно-политический просчет или ошибка любой религиозной партии дискредитирует конкретную религию, от имени которой партия провозглашает свою деятельность. Политическая и религиозная сферы жизни прямо или косвенно всегда были важными и взаимосвязанными основами развития цивилизованного общества. Между политикой и религией на основе общепринятых мировоззренческих и нравственных ценностей давно сформировались согласованные связи и отношения, благодаря которым они могли бы дополнять друг друга и усиливать свою позитивную роль в развитии общества. Так, вместо хали-

фата и имамата, в России наиболее приемлемой формой духовно-практической организации ислама оказался и утвердился муфтият, занявший лояльную позицию в отношении к светскому государству. Любая политика всегда нуждается в устойчивых дисциплинарных практиках и социальных механизмах веры, которые регулярно и своеобразно воспроизводятся в религии, а религия всегда нуждается в позитивной политической поддержке и материальном обеспечении. Даже атеистическое государство, такое как СССР, модифицировано использовало многие религиозные элементы, механизмы и инструменты по организации и регуляции общественных отношений (мавзолей вождя, непогрешимость партии, мемориальные комплексы сакральной памяти народа, вера в идеал коммунизма и т. д.). Политика получала от религии, столь необходимую ей таинственность, а религия получала от политики земную силу послушания и представительские полномочия власти. Если политика осуществлялась как сфера регулирования отношений человека с обществом, а также одного общества с другим, то религия существовала как сфера регулирования отношений человека и общества с богом. В основном зрелая религия, как и политика, активно взаимодействуя с другими сферами общественной жизни, не может позволить им свободное проникновение в любую из своих форм деятельности.

Политизированный ислам, получивший терминологические определения «исламизм» и «панисламизм», существенно отличается от пророческого ислама. Мусульманское реформаторство конца XIX – начала XX вв. выразилось в попытках рационального синтеза исламских идеалов с политическими идеями Запада, что могло бы открыть новые возможности для полноценной современной жизни. Сблужив форсировать новыми политическими механизмами внезапный прорыв ислама к мировому лидерству был концептуально оформлен Джемаль-ад-дином Аль-Афгани в доктрину панисламизма. Исламизм как сравнительно молодое течение в исламе, сформировавшееся в XX веке, пытается уравнивать суть всего ислама с сутью политики как отдельного фрагмента общественной жизни. Попытка свободного, произвольно-

го соединения исламских норм с политическими нормами жизни общества повлекла за собой разнообразие трактовок самого исламизма, среди которых можно обозначить такие политизированные направления как консервативный исламизм фундаменталистского толка (Мухаммад Абдо), радикальный исламизм экстремистского толка (Саид Кутб) и, пока слабо выраженный на политическом горизонте, либеральный исламизм модернистского толка.

В сложных политических процессах современного мира исламизм демонстрирует значительный потенциал политической адаптации. Разные направления исламизма так тесно переплетаются между собой, что разграничения между ними порою выглядят прозрачными, условными и подвижными. Так, консервативный исламизм может принимать довольно жестокие меры, сближающие его с радикально-экстремистским исламизмом. Однако, это всего лишь внешняя видимость, за которой скрывается их существенное различие. Политический экстремизм в любой его форме, в том числе и в исламизме, представляет собой выражение недовольства общества, вызванное отчаянием, безысходностью и другими изъянами социально-экономического развития.

Исламский фундаментализм как идейно-политическое течение ставит своей целью вернуть мусульман к утраченным источникам ислама, привести современные нормы жизни в полное соответствие с первоисточниками Корана и сунны. Если консервативный исламизм неминуемо ведет к идеалам политического авторитаризма и искушениям беспрекословной власти, то либерально-модернистский исламизм преисполнен идеалами конформизма и толерантной вседозволенности. Точно также различаются и такие исламизированные версии политических программ как шиитский и суннитский исламизм, обусловленные историческими тенденциями предшествующего развития ислама. В глазах мирового сообщества наибольшую обеспокоенность вызвала версия радикального исламизма Саида Кутба [13], восприятие которой сопровождалось неизбежной демонизацией всего исламизма во всех его трактовках. Для этого опасения действительно есть веские аргументы

и прочные основания. Ведь исламизм в любой его трактовке предполагает право для одного сообщества мусульман (умма) принудительно диктовать свое веропонимание любому другому сообществу. Эту угрожающую ситуацию прекрасно понимают известные знатоки суфизма, которые в «заражении суфизма политикой» видят неизбежный раскол, чреватый «ослаблением суфийского духа и нравов» [9, с. 246]. Политически ангажированная идеология исламизма неизбежно ведет к вырождению истинного исламского мессианизма и обретению сомнительного послушания. Пророк «Мухаммад стремился добиваться согласия в действиях и всё большего единения своих последователей, в связи с чем широкое распространение получает принцип совещательности (аш-шура), посредством которого решаются мирские дела» [6], в том числе и политические проблемы. Ведь, мирская суета несоизмерима с духовными вершинами исламской веры. Тем самым, суфизм полностью исключает какую-либо редукцию ислама к любой отдельно взятой сфере общественной жизни. С самого своего возникновения по настоящее время ислам является одной из наиболее политизированных религий мира. Любое политическое действие, если не эксплицитно, то имплицитно соотносится с этим вероучением, само оно на современном этапе в большей степени превращается в политическую доктрину, чем за всю его многовековую историю. В основе этого явления лежат глубокие объективные причины экономического и идеологического характера [5, с. 389]. Если говорить об условиях и факторах, способствующих усилению политических позиций ислама в современном меняющемся мире, о которых шла речь выше, то их глубокий анализ показывает, что все они без исключения являются не «постоянными» величинами, а «временными», действия их ограничены историческими рамками, определенными сферами и регионами (5, с. 404).

На разных этапах истории одни религиозно-политические связи усиливаются, а другие – ослабевают, одни сферы синтеза, интеграции и консолидации религиозно-политических отношений сменяются другими, ранее удаленными друг от друга. Происходит исторический поиск

и отбор таких форм религиозно-политического сближения, которые откроют новые возможности и перспективы цивилизованного развития социума. В российском обществе традиционно ислам на протяжении длительного времени мирно сосуществует в полифонии конфессий. В годы советской власти религиозные идеи не имели никаких шансов влиять на политическую жизнь. Современные процессы демократизации российского общества неизбежно влекут за собой гражданскую активность, которая, в свою очередь, сопровождается появлением новых общественных организаций, в том числе и религиозного толка, косвенно влияющих на все сферы общественной жизни, и на политические процессы – в частности.

Любая мировая религия имеет сложные, многомерные связи с жизнью общества, допускающие широкий выбор наиболее подходящих возможностей развития на общее благо. Как пишет Дж. Эспозито, «мусульмане различаются в области интерпретации ислама так же, как и последователи других религий в отношении своих вероисповеданий. Для огромного большинства верующих ислам, как и другие мировые религии, это религия мира и социальной справедливости, побуждающая своих последователей поклоняться Богу, соблюдать его законы и быть социально ответственными» [19]. Если в обществе меняется роль религии в сторону возрастания или снижения ее значения, то это происходит неравномерно. В институциональном, ритуально-обрядовом, учебно-просветительском направлениях исламское возрождение опережает в развитии, а в духовно-мировоззренческом и в нравственном направлениях оно заметно отстает. Так, глава Совета муфтиев России Равиль Гайнутдин на встрече с российскими парламентариями отметил, что если в 1991 году количество мечетей по всей России было менее 100, то в 2010 году уже действует более 7200 мечетей [20]. На территории Республики Дагестан по состоянию на 1 августа 2012 года действует 15 исламских вузов, в которых обучаются 1770 учащихся, а также 201 примечетских начальных школ (мактабов), в которых обучаются около 3000 учащихся (за годы Советской власти институционального исламского обучения в Даге-

стане не было) [21]. Такие институциональные достижения как неуклонный рост количества мечетей и исламских учебных заведений и связанный с ними рост числа верующих, соблюдающих ритуально-обрядовую практику, посещающих мечети, не может столь же быстро изменить уровень развития исламского мировоззрения верующих. Нравственная чистота, справедливость, добропорядочность и благородство в обществе не определяется числом храмов. Напротив, жестокость и насилие лишь усугубились, – «человек, вставший на путь террориста-смертника, оказывается принудительно и необратимо вовлеченным в такую сферу социально-деструктивных процессов, которые лишают его человеческого достоинства, отбрасывают назад к дикости и не имеют прямого отношения ни к религии, ни к культуре, ни к политике» [10]. Постоянное расширение конфессионального пространства, происходящее на фоне отсутствия последовательной и ясной конфессиональной политики государства, на практике породило ряд проблем, которые невозможно не замечать. Тем более что «религиозный ренессанс» де-факто способствовал росту среди народов России не столько национального самосознания и патриотизма, сколько сепаратизма и агрессивного национализма, которые первоначально прикрывались идеями национального возрождения и апеллировали к религии как источнику традиционных национальных ценностей [18]. Если исламизм допускает и прощает жестокую дикость и духовное опустошение личности, то для ислама это изначально неприемлемо. Отчасти духовное оскудение общества может быть связано с длительным отсутствием в России религиозных (исламских) вузов, с нехваткой квалифицированных кадров исламского духовенства, свободно владеющих теологическими, дискурсивными практиками и проблемами современного ислама.

Современная политизация ислама

В последние годы в мусульманских странах идет процесс политизации и радикализации ислама. С одной стороны, политизация ислама – это процесс «возрождения» религии и клерикализации политики. С другой стороны, политизация ислама представляет собой попытку переноса части нерешенных социально-экономических

и духовно-идеологических проблем в политическую сферу, означает их наивысший накал, обостренную общественную значимость и актуальность, а также неспособность субъектов принимать политико-управленческие решения и справляться с ними при помощи общепринятых методов воздействия. Политический ислам, представляя собой форму проявления неполитических явлений в сфере политики, пытается найти разные варианты решения этих проблем. В СМИ развернулась оживленная дискуссия по поводу государственной модели и источников финансирования ИГИЛ. Следует отметить, что ИГИЛ выбрало модель государственной власти: сегодня она называется «Исламское Государство», в дальнейшем, как утверждают сами исламисты, будет называться «Новый Халифат». После размежевания и объявления «Исламского Государства», как было отмечено выше, ИГИЛ подвергся нападению со стороны «Аль-Каиды» (в январе 2014 г.) и было исключено из ее состава. Но в феврале 2014 г., когда было объявлено о создании международной коалиции против ИГИЛ, «Аль-Каида» и ее союзники прекратили вооруженную борьбу против него. Позже руководители «Аль-Каиды» это объяснили так: мы прекращаем борьбу против ИГИЛ, потому что нужно объединиться против США и новой международной коалиции [1]. Но политические и религиозные разногласия, а также соперничество между этими организациями по сей день сохраняются. Следует отметить, что ИГИЛ – суннитская организация, которое насаждает жесткое следование исламским законам и представляет собой коалицию противников шиитских властей Ирака и Сирии. Появление ИГИЛ, на наш взгляд, это закономерное явление. Хотя в XX веке такие исламистские организации, как «Братья мусульмане», «Хизб ат-Тахрир» и другие пытались бороться за власть, но были под запретом и не могли создавать такие военизированные структуры, как ИГИЛ. Закономерность этого явления объясняется, на наш взгляд, несколькими факторами. В современном мире, как было отмечено выше, в последние годы происходит усиление политической роли ислама, как во внутреннем, так и во внешнем развитии целого ряда стран. Данный процесс идет

по трем генеральным направлениям, активно борющимся за усиление своего влияния на верующих: традиционализм, модернизм и исламизм. Наиболее активным вариантом выстраивания отношений ислама и политики является исламизм – политический ислам, представляющий собой антизападный и анти либеральный вариант реформизма, объясняя политические явления исключительно через события сакрального мира. Сегодня среди западной общественной мысли развернулась острая дискуссия по поводу возникновения ИГИЛ. Если раньше многие ее представители призывали ислам к цивилизованному диалогу с Западом, то сегодня картина – противоположная: возникновения таких государств, как ИГИЛ, сделают невозможным возникновения такого рода диалога [2].

Таким образом, возможности политизации ислама могут складываться как в русле возрождения духовных ценностей на благо общества, так

и в ущерб гармоничному развитию, чреватому насилием и террором. Полноценное возрождение ислама связано именно с ростом духовного богатства и с приоритетом нравственных ценностей. Как считают авторы данной статьи, возможности политизации современного ислама будут сохраняться и периодически активироваться под влиянием различных тенденций внешнего и внутреннего характера. Государство должно сконцентрировать усилия всего общества по нейтрализации деструктивных тенденций, вызванных стремлением отдельных религиозных движений политизировать религиозную жизнь. В обществе остро востребован полноценный контроль в соблюдении законов и подзаконных актов, регламентирующих свободу совести и вероисповедания. Необходима скоординированная, эффективная политика противодействия распространению религиозного радикализма, построенная на системном подходе.

БИБЛИОГРАФИЯ

1. Более тысячи иностранцев пополняют ряды ИГ в Сирии ежемесячно // <http://vesti.az/news/224002>.
2. Бобохонов Р. С. Возникновение ИГИЛ-как результат активной политизации ислама. // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1419067980>
3. Вагабов М. В., Вагабов Н. М. Ислам в модернизирующемся мире. – Махачкала, 2011. – 720 с. С. 389.
4. Ваххабизм // Кавказский узел. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/247053/>
5. Вести // РТР, 03.09.1998. (Цит. по: Черкасов А. Танго над пропастью // Полит.ру, 07.09.2004).
6. Гусаева К. Г. Аксиологические принципы в контексте формирования исламской государственности // Исламоведение. 2013. № 2. С. 104–108.
7. Загадка черного араба // Собеседник, №40, 14.10.1999.
8. Исламская революция в Дагестане // Коммерсантъ, 18.08.1998.
9. Корбен А. История исламской философии. – М.: Прогресс, 2010. 360 с.
10. Курбанов М. Г. Философское понимание человека в религиозных образах христианства и ислама // Исламоведение. 2014. № 2. С. 39–44.
11. Малашенко А. В. Исламская альтернатива и исламский проект. М.: Весь Мир, 2006. 287 с.
12. От Дагестана до Москвы через Грозный // Коммерсантъ Власть, 02.08.2004.
13. Петрашко А. В. Саид Кутб как идеолог политического ислама // Вестник МГПУ. Серия «Исторические науки». 2011. № 2. С. 110-118.
14. Пресс-центр Минобороны РФ, 07.09.14.
15. Родина войны // Известия, 29.05.2003.
16. Рощин М. Фундаментализм в Дагестане и Чечне // Отечественные записки, №5 (14), 2003.
17. Семедов С. А. Причины политизации ислама в современном мире // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2009. № 3. С. 230–239.
18. Яхьяев М. Я., Камышова Е. Г. Власть и религия в современной России: метаморфозы и взаимодействия // Исламоведение. 2013 № 1. С. 7-15.
19. Esposito J. Political Islam: Beyond the Green Menace, 2002. [Электронный ресурс]. URL: <http://www.witness-pioneer.org/vil/Articles/politics/espo.html>.

20. <http://www.rus-obr.ru/days/8508>.
21. <http://islamrf.net/russia/41084/>.
22. Terrorist Organization Profile // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, University of Maryland. List of references and sources 1. More than one thousand foreigners join ranks of IS in Syria monthly//<http://vesti.az/news/224002>. 2. Bobokhonov R. S. Emergence of IGIL-as result of active politicization of Islam.//<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1419067980> 3. Vagabov M. V., Vagabov N. M. Islam in the modernized world. – Makhachkala, 2011. – 720 pages of Page 389. 4. Wahhabism//Caucasian knot. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/247053/> 5. Messages//RTR, 03.09.1998. (Tsit. on: Cherkasov A. A tango over an abyss//to Polit.R, 07.09.2004). 6. Gusayeva K. G. The axiological principles in the context of formation of Islamic statehood//Islamovedeniye. 2013. No. 2. Page 104-108. 7. Riddle of the black Arab//Interlocutor, No. 40, 14.10.1999. 8. Islamic revolution in Dagestan//the Kommersant, 18.08.1998. 9. Korben A. Istoriya of Islamic philosophy.-M.: Progress, 2010. 360 pages. 10. Kurbanov M. G. Philosophical understanding of the person in religious images of Christianity and Islam//Islamovedeniye. 2014. No. 2. Page 39-44. 11. Malashenko A. V. Islamskaya alternative and Islamic project. M.: Whole world, 2006. 287 pages. 12. From Dagestan to Moscow through Grozny//the Kommersant the Power, 02.08.2004. 13. Petrashko A. V. Said Kutb as ideologist of political Islam//Messenger of MGPU. Series «Historical sciences». 2011. No. 2. Page 110-118. 14. Press center of the Ministry of Defence of the Russian Federation, 07.09.14. 15. War homeland//News, 29.05.2003. 16. Roshchin M. Fundamentalizm in Dagestan and Chechnya//Domestic notes, No. 5 (14), 2003. 17. Semedov S. A. The reasons of politicization of Islam in the modern world//the State, religion, church in Russia and abroad. 2009. No. 3. Page 230-239. 18. Yakhyaev M. Ya., Kamyshova E. G. Vlast and religion in modern Russia: metamorphoses and interactions//Islamovedeniye. 2013 No. 1. Page 7-15. 19. Esposito J. Political Islam: Beyond the Green Menace, 2002. [Electronic resource]. URL: <http://www.witness-pioneer.org/vil/Articles/politics/espo.html> 20. <http://www.rus-obr.ru/days/8508> 21. <http://islamrf.net/russia/41084/> 22. Terrorist Organization Profile//National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, University of Maryland.

REFERENCES

1. Bolee tsysyachi inostrantsev popolnyayut ryady IG v Sirii ezhemesyachno // <http://vesti.az/news/224002>.
2. Bobokhonov R. S. Vozniknovenie IGIL-kak rezul'tat aktivnoi politizatsii islama. // <http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1419067980>
3. Vagabov M. V., Vagabov N. M. Islam v moderniziruyushchemsya mire. – Makhachkala, 2011. – 720 s. S. 389.
4. Vakhkhabizm // Kavkazskii uzal. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/247053/>.
5. Vesti // RTR, 03.09.1998. (Tsit. po: Cherkasov A. Tango nad propast'yu // Polit.ru, 07.09.2004).
6. Gusaeva K. G. Aksiologicheskie printsipy v kontekste formirovaniya islamskoi gosudarstvennosti // Islamovedenie. 2013. № 2. S. 104–108.
7. Zagadka chernogo araba // Sobesednik, №40, 14.10.1999.
8. Islamskaya revolyutsiya v Dagestane // Kommersant", 18.08.1998.
9. Korben A. Istoriya islamskoi filosofii.-M.: Progress, 2010. 360 s.
10. Kurbanov M. G. Filosofskoe ponimanie cheloveka v religioznykh obrazakh khristianstva i islama // Islamovedenie. 2014. № 2. S. 39-44.
11. Malashenko A. V. Islamskaya al'ternativa i islamskii proekt. M.: Ves' Mir, 2006. 287 s.
12. Ot Dagestana do Moskvy cherez Grozni // Kommersant" Vlast', 02.08.2004.
13. Petrashko A. V. Said Kutb kak ideolog politicheskogo islama // Vestnik MGPU. Seriya «Istoricheskie nauki». 2011. № 2. S. 110–118.
14. Press-tsentr Minoborony RF, 07.09.14.
15. Rodina voyny // Izvestiya, 29.05.2003.
16. Roshchin M. Fundamentalizm v Dagestane i Chechne // Otechestvennye zapiski, №5 (14), 2003.

17. Semedov S. A. Prichiny politizatsii islama v sovremennom mire // Gosudarstvo, religiya, tserkov' v Rossii i za rubezhom. 2009. № 3. S.230-239.
18. Yakh'yaev M. Ya., Kamyshova E. G. Vlast' i religiya v sovremennoi Rossii: metamorfozy i vzaimodeistviya // Islamovedenie. 2013 № 1. S. 7–15.
19. Esposito J. Political Islam: Beyond the Green Menace, 2002. [Elektronnyi resurs]. URL: <http://www.witness-pioneer.org/vil/Articles/politics/espo.html>
20. <http://www.rus-obr.ru/days/8508>.
21. <http://islamrf.net/russia/41084/>.
22. Terrorist Organization Profile // National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, University of Maryland. List of references and sources 1. More than one thousand foreigners join ranks of IS in Syria monthly//<http://vesti.az/news/224002>. 2. Bobokhonov R. S. Emergence of IGIL-as result of active politicization of Islam.//<http://www.centrasia.ru/newsA.php?st=1419067980> 3. Vagabov M. V., Vagabov N. M. Islam in the modernized world. – Makhachkala, 2011. – 720 pages of Page 389. 4. Wahhabism//Caucasian knot. <http://www.kavkaz-uzel.ru/articles/247053/> 5. Messages//RTR, 03.09.1998. (Tsit. on: Cherkasov A. A tango over an abyss//to Polit.R, 07.09.2004). 6. Gusayeva K. G. The axiological principles in the context of formation of Islamic statehood//Islamovedeniye. 2013. No. 2. Page 104-108. 7. Riddle of the black Arab//Interlocutor, No. 40, 14.10.1999. 8. Islamic revolution in Dagestan//the Kommersant, 18.08.1998. 9. Korben A. Istoriya of Islamic philosophy.-M.: Progress, 2010. 360 pages. 10. Kurbanov M. G. Philosophical understanding of the person in religious images of Christianity and Islam//Islamovedeniye. 2014. No. 2. Page 39-44. 11. Malashenko A. V. Islamskaya alternative and Islamic project. M.: Whole world, 2006. 287 pages. 12. From Dagestan to Moscow through Grozny//the Kommersant the Power, 02.08.2004. 13. Petrashko A. V. Said Kutb as ideologist of political Islam//Messenger of MGPU. Series «Historical sciences». 2011. No. 2. Page 110-118. 14. Press center of the Ministry of Defence of the Russian Federation, 07.09.14. 15. War homeland//News, 29.05.2003. 16. Roshchin M. Fundamentalizm in Dagestan and Chechnya//Domestic notes, No. 5 (14), 2003. 17. Semedov S. A. The reasons of politicization of Islam in the modern world//the State, religion, church in Russia and abroad. 2009. No. 3. Page 230-239. 18. Yakh'yaev M. Ya., Kamyshova E. G. Vlast and religion in modern Russia: metamorphoses and interactions//Islamovedeniye. 2013 No. 1. Page 7-15. 19. Esposito J. Political Islam: Beyond the Green Menace, 2002. [Electronic resource]. URL: <http://www.witness-pioneer.org/vil/Articles/politics/espo.html> 20. <http://www.rus-obr.ru/days/8508> 21. <http://islamrf.net/russia/41084/> 22. Terrorist Organization Profile//National Consortium for the Study of Terrorism and Responses to Terrorism, University of Maryland.